

Умер Иосиф Бродский

В ночь с 27 на 28 января в своей нью-йоркской квартире скончался Иосиф Бродский, великий русский поэт, лауреат Нобелевской премии 1987 года. Ему было 55 лет.

Иосиф Бродский был давно и тяжело болен, у него было несколько инфарктов и две операции на открытом сердце. За несколько дней до смерти поэта врачи предложили ему — далеко не впервые — новую операцию (не гарантируя, впрочем, успеха), до которой Бродский не дожил.

В воскресенье 28 января поэт собирался ехать в Массачусетский университет, где начинался его новый курс по истории русской литературы. Наутро жена нашла его мертвым у двери его рабочего кабинета.

Иосиф Бродский

Материалы памяти Иосифа Бродского читайте на стр.16–17 этого номера.

«Русская мысль»

да еще где-то раз, может быть два, мимолетно встретились. Я уже по уши ушла в самиздат и в то, что потом стали называть правозащитой, а по-нерусски — диссидентством, и старалась не втянутых в эти дела не подводить знакомством со мной. Да и Иосиф казался мне слишком знаменитым, враждующимся в светских кругах. Хотя бы по стихам Бродского тех лет видно, как я ошибалась.

А в эмиграции мы подружились снова, хотя чаще говорили по телефону, по континентским делам или просто так, чем виделись. Несмотря на все опечатки, я была необычайно тронута тем, что он был моим корректором. Честь великая, а хорошим корректором *Иосиф Бродский* быть не обязан.

Он уехал вскоре после того, как я вышла из тюрьмы. Когда в Москве появился «Вестник РСХД» с его новыми стихами, я переписала их все и отправила Гарику в лагерь.

Однажды по телефону из Парижа в Нью-Йорк, заминаясь от неловкости, что собралась произносить явно надоевшие ему похвалы, я все же вымолвила: «Знаешь, Иосиф, я всегда любила твои стихи, но то, что ты писал до эмиграции, я любила не все, а теперь просто все до одного». И вдруг он с детской радостью ответил:

— Нет, правда?

И я обрадовалась, что все-таки решилась это сказать. Оказыва-ется, ему это было нужно!

Но и он меня раз похвалил. В вышепомнятую встречу в Париже я ему сказала: «А вот Дима написал, что Ахматова вам четверым советовала — потому что, мол, для «школы» нужна женщина — «взять Горбаневскую». А вы меня не взяли».

— И правильно сделали, — весело засмеялся Иосиф.

Но вечером он мне позвонил: — Неправильно сделали!

Я отдала ему в тот день новые стихи, чтоб он отвез их в Нью-Йорк Саше Сумеркину. Иосиф прочел «Классическую балладу», потом прочитал ее вслух Веронике — два раза! — и не откладывая позвонил. Впрочем, предложил одну поправку. У меня было: «Но уста им тут же связала / любовь, а не страх».

— Надо «любовь, не страх», — сказал Иосиф. Так и осталось.

В Нью-Йорке мы просидели с ним много часов над моим переводом «Поэтического трактата» Милоша. Это был уже последний черновик, после того как его читали многие, включая самого автора, и я переделявала перевод множество раз по чужим указаниям и своему вдохновению. Иосиф прошелся по всему тексту, и мы еще много чего исправили, а потом Чеслав сказал мне: «После Иосифа я могу больше не смотреть».

И еще была — теперь можно сказать забавная, но в тот момент такой не казавшаяся — встреча в Нью-Йорке. В декабре 80-го, когда угроза советской интервенции в Польше казалась неизбежной. Мы сидели с Иосифом, Томасом Венцловой и еще одним литовцем и совершенно серьезно обсуждали план организации интербригады для защиты Польши. И, конечно, все четверо собирались высадиться, по возможности, с первым десантом.

А улица Бродского, тоже попавшая в мои стихи, хотя и не посвященные Иосифу, но с мыслью о нем, — в нынешнем Санкт-Петербурге Михайловская. Теперь — не переименовать ли обратно?

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Париж

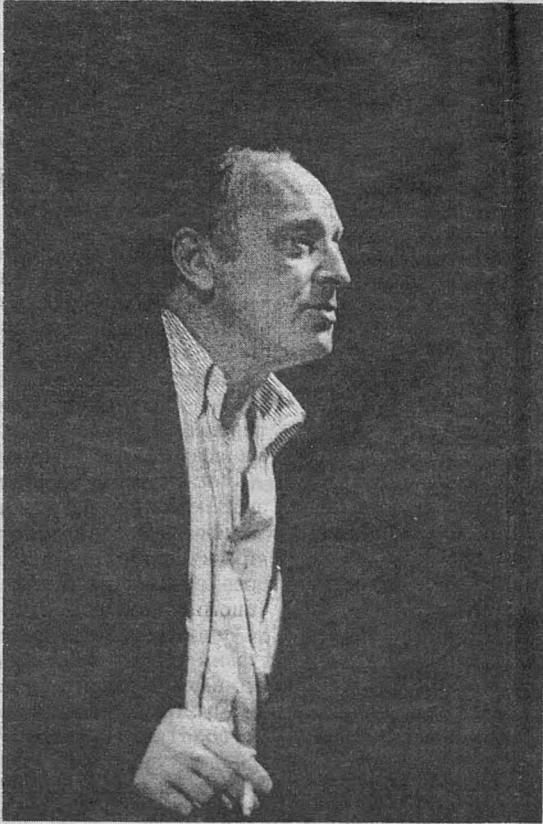

фото Ярослава Горбаневского. Париж, 11 января 1990.

...Не до смерти ли, нет, мы ее не найдем, не находим. От рождения на свет ежедневно куда-то уходим, словно кто-то вдали в новостройках прекрасно играет. Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает.

Значит, нету разлук. Существует громадная встреча. Значит, кто-то нас вдруг в темноте обнимает за плечи, и полны темноты, и полны темноты и покоя, мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

Как легко нам дышать, оттого, что подобно растению, в чьей-то жизни чужой мы становимся светом и тенью или больше того — от того, что мы все потеряем отбегая навек, мы становимся смертью и раем.

...Значит, нету разлук. Значит, зря мы просили прощенья у своих мертвецов. Значит, нет для зимы возвращенья. Остается одно: по земле проходить бестревожно. Невозможно отстать. Обгонять — только это возможно.

То, куда мы спешим, этот ад или райское место, или попросту мрак, темнота, это все неизвестно, дорогая страна, постоянный предмет воспева-ния, не любовь ли она? Нет, она не имеет названья...

Бессмертные тоже смертны

Иосиф Бродский знал это и работал без выходных и отпусков. Не для денег и не для славы. А потому, что времени оставалось все меньше, а недосказанного все больше. Это закон. Сколько ни говори, а решающее доказательство в пользу жизни и любви остается невысказанным.

Совсем не святой, он был истинно верующим. Не был настоящим христианином. Его маму звали Мария. Вдову зовут тоже Мария. Каждое Рождество он посвящал дивное стихотворение Чуду рождения Марией младенца Христа.

Бог послал Иосифу не слишком трудную смерть. Не на операционном столе, а у себя дома.

Американский гражданин, он был более русским, чем миллионы оставшихся в России. Он еще раз возвеличил и прославил русскую поэзию, страну Россию и нелепую русскую судьбу.

«Недоучка» в школе, он был почетным профессором многих университетов. Профессором русской литературы.

Судьба к его современникам была благосклонна. Мы жили при великом человеке и видели его. В 1972 году перед выселкой Оси на Запад, я его спросил: «Ты что: уже на вторую Нобелевскую начал писать? На первую ведь уже написал». Он сказал, что две Нобелевские не дают.

Я уповаю, что Иосифа Бродского похоронят на Западе. Там кладбища во много раз чище, красивей, ухоженней и покой-

ней, чем в России. Надеюсь, никому не придет в голову хоронить его на Васильевском острове.

Мир его душе и праху. Следующий день рождения Иосифа Бродского будет уже после его смерти. А он родился между Пасхой и Пятидесятницей под знаком Ближнецов, как Пушкин. И умер в дни Водолея, тоже как Пушкин.

В 1918 году Питеру повезло. Столицу перевели в Москву. Петербург несколько раз был «пусту», но осталось больше старых домов и церквей, чем в столице.

А петербургская школа поэзии отличалась от московской в одну лучшую сторону: в Москве торопились и торопятся сочинить и напечататься. А в Питере и сейчас печататься, собственно, нигде. До сих пор пишут, не торопясь, пока не выйдет то, что надо. Кто не выдерживает этого адски медленного способа, уезжает в Москву.

Иосиф Бродский был настоящим поэтом петербургской школы. И уехал из Петербурга не в Москву.

Он истово сочинял для истового читателя.

Вечная память Иосифу Бродскому. Вечная слава истинному, настоящему, думающему читателю.

ВЛАДИМИР УФЛЯНД Санкт-Петербург 29 января 1996 года

К навсегда разлученному другу

Пушкинисты долго спорили — кончается ли Пушкиным длительный путь барокко и сентиментализма, виден ли в этих драгоценных метках хвост XVIII века или Пушкин — начало и предтеча всего грядущего. Я сам не знаю ответа.

А Бродский — в этой петербургской цепи, — начало ли он того конца, которым заканчивается начало? Кончилась ли цепь петербургской поэзии? Сейчас это сказать невозможно. Слишком замечательно то, что сделал Бродский, слишком трудно найти почву для следующего шага.

И мне остается лишь обращаться к навсегда разлученному со мной другу и,

возможно, надеяться на встречу уже не здесь.

...Но когда я иду
на Васильевский остров,
И гляжу, как задымлено
невское небо,
Я все тот же, все тот же
огромный подросток,
С перепутанной манерой
дела и гнева.
Объявляю себя
военнопленным,
Припаду к сапогам своего
конвоя,
Чтобы вечером
обыкновеннолетним
Одному за всех помянуть
былое.

ЕВГЕНИЙ РЕЙН

Москва, 28–29 января

Слова вослед уходящему

Я думаю, что его будут читать еще больше, чем сейчас, потому что при жизни его ошеломляющий успех отчасти затмевал его поэзию. Он все предугадывал, он прочувствовал свой путь заранее. Помните, из стихотворения 1989 года: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я».

Сейчас мы смотрим на эту жизнь в обратном свете, а обратный свет ведь выявляет многое из того, что прежде не было столь отчетливым. Теперь все это стало понятным.

Ведь и успех его при жизни, и вся эта гирлянда признаний и даров были словно бы предопределены тем, что жизнь его оказалась столь краткой. Сейчас в свете краткости его земного пути иначе воспринимается и невероятный размах им написанного, и стиль его, рискующий при простом прочтении показаться слегка многословным, объясняется, наверное, лишь желанием успеть высказаться, или лучше сказать, успеть произнести.

Я смотрел сегодня по американскому телевидению отрывок из его выступления, и в этом выступлении проскользнула та же его особенность — торопливость и предельная насыщенность произносимого, словно он понимал, как мало ему осталось, и потому боялся не успеть.

Стало быть, в нем было ощущение жизни как некоей формы, которую он спешил наполнить содержанием. Он торопился.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

Урбана, США. 29 января 1996.

На Бродском закончилась русская поэзия, какой мы знали ее с XVIII века

В последние недели жизни Иосиф был весел. За многие годы он привык к своей смертельной болезни, и его настроение зависело не только от того, что говорили ему врачи, сколько от того, что выходило из-под его пера. А в эти недели декабря и января он много писал. Видно, особенность гения в том, что он постоянно превосходит самого себя. В последних стихах поразительное ощущение жизни, самой ткани человеческого существования.

Я глубоко убежден, что на Бродском закончилась русская поэзия, какой мы знали ее от XVIII века. Когда мы с ним говорили в последний раз, он сказал, что читает прозу Пушкина. Я думаю, что Бродский был последним в России человеком, который мог понимать Пушкина. Как брат брата.

Иосиф писал когда-то: «Я любил не многих, но очень сильно». В число этих немногих входят: Петербург, русский язык, русская литература. Не любил, презирал он пошлость в России — имперскую пошлость с ее злобой и кровью. В том же последнем разговоре он возмущался политическими рассуждениями о Чечне: «Что случилось с простыми вещами? — говорил он. — Большой не должен бить маленького, сильный обижать слабого».

Его любимой формулой обращения к собеседнику было — «солнышко». Но это он сам был солнышком, а мы все светились только отражением его света. Жизнь потемнела — солнышко русской поэзии закатилось.

ЛЕВ ЛОСЕВ

Дартмут, 28 января

Мы смогли напечатать в этом номере лишь небольшую часть откликов на смерть Иосифа Бродского, которые пришли в редакцию. Все они будут опубликованы в ближайших номерах «Русской мысли».